

Пространственное представление пограничья В поисках Беларуси на цивилизационных картах Самюэля Хантингтона и Александра Дугина

Abstract.

Статья посвящена критическому анализу модной в России и США цивилизационной теории международных отношений на примере работ Самюэля Хантингтона и Александра Дугина. Для понимания того, каким образом теоретики используют цивилизационный подход, приведен случай Беларуси и ее расположения на моделируемых ими цивилизационных картах. В статье рассмотрено развитие геополитической теории в период до и после холодной войны. Беларусь показана как пример метода, используемого геополитиками для локализации и описания контактных зон, и представлены основные положения гипотез С. Хантингтона и А. Дугина. Проанализированы теоретические последствия этих гипотез, а также отмечены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: «цивилизационный поворот», цивилизационная теория, цивилизационная карта, холодная война, геополитика, контактная зона.

Введение. После окончания холодной войны и распада Советского Союза в западной и российской геополитике наметилась тенденция так называемого цивилизационного поворота. В статье анализируются два основных представителя этой теории — Самюэль Хантингтон и Александр Дугин. О популярности работ данных теоретиков свидетельствует постоянный рост количества их публикаций на Западе и в России.

Отправной теоретической точкой «цивилизационного поворота» стало обращение к изучению преимущественно внутренних характеристик уже известных цивилизаций и их способностей сосуществовать друг с другом. При этом нерешенным вопросом в рамках геополитической парадигмы по-прежнему оставались так называемые контактные зоны между цивилизаци-

ями. В контексте существующих теоретических сложностей интересно выяснить, каким образом исследователи-геополитики располагают на цивилизационных картах Республику Беларусь.

Еще одной целью исследования является определение того, каким образом Хантингтон и Дугин рассматривают пространственный образ восточноевропейской контактной зоны в геополитических терминах, а также чем они руководствовались при размещении Беларуси на цивилизационных картах. Для этого анализируются авторские карты, составленные Хантингтоном и Дугиным, проводится попытка реконструировать обоснование расположения на этих картах Беларуси, а также проанализировать и сравнить применяемые при этом методы. Анализ карт основан на тексте С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового поряд-

ка» (Huntington, 1996), материалах с личного сайта А. Дугина (<http://evrazia.org>) и некоторых других источниках.

Методология. В качестве методологии исследования применяется сравнительный анализ, посредством которого рассматривается пространственное расположение Беларуси на картах и в текстах. Необходимо отметить, что и Дугин, и Хантингтон использовали карты как наиболее легкий способ, с одной стороны, описания реальности, с другой — «подгонки» реальности под новую теоретическую конструкцию. Таким образом, будут продемонстрированы нечеткость и игнорирование реальности при расположении Беларуси на картах обоих исследователей.

Краткое содержание. Статья разделена на четыре смысловые части. В первой («Цивилизационный поворот») — рассмотрено развитие геополитической теории в период до и после холодной войны. Это необходимо для понимания важности «цивилизационного поворота», олицетворяемого Хантингтоном и Дугиным. Во второй части («Беларусь как контактная зона») Беларусь показана в качестве примера для понимания метода, который используется геополитиками для локализации и описания контактных зон, а также проанализированы три основные гипотезы их геополитических концепций. В третьей части («Выводы») проанализированы теоретические последствия, которые имели эти гипотезы. И, наконец, в четвертой части («Заключение») предложены возможные направления для дальнейших исследований.

1. «Цивилизационный поворот»

«Цивилизационный поворот» стал итогом развития геополитической теории и основанием для формирования так называемого цивилизационного геополитического дискурса. Этот дискурс основан на использовании культурных детерминант в определении географических пространств и их границ. Ранее, во времена холодной войны, в геополитике преобладали теории, в основе которых лежали категории власти и экономических отношений. «Цивилизационный поворот» означал новый критический подход, основанный на представлении / конструировании и взаимодействии цивилизаций как определяющего фактора глобального политического пространства.

Цивилизационная парадигма представляет собой систематизированный подход в понима-

нии природы государств и их политики. Специфические особенности цивилизации рассматриваются при этом как факторы, которые определяют взаимодействие государств в пределах цивилизации, а также с государствами, принадлежащими к иной цивилизации. В то же время за государствами сохраняется «субъективная» способность в большинстве случаев определять геополитическую доктрину самостоятельно, вне зависимости от своих цивилизационных сторонников и противников. Произошедшее в период «цивилизационного поворота» смещение акцентов на культурные составляющие можно рассматривать и как совокупный результат предыдущих геополитических событий, и как влияние на геополитическую риторику событий современности. Хотя, в целом, новый цивилизационный дискурс не слишком отделился от классической геополитической теории, и в его рамках государства по-прежнему выступают в качестве частей больших регионов и сфер.

Западная геополитика времен холодной войны. Геополитика периода холодной войны базировалась на противопоставлении западного и советского блоков и давала геополитические оценки исключительно в рамках данных политических и геополитических линий. И доктрина Трумана, и доктрина Брежнева основывались на этом разделении, которое при этом преподносилось как абсолютная истина (Tuathail, 1998: 48—49). Такой подход заставлял как западную, так и советскую геополитику рассматривать все явления в рамках бинарной оппозиции. Системная ориентация означала и то, что национальные государства или их альянсы не могут самостоятельно присутствовать в геополитическом ландшафте и должны рассматриваться только в рамках вышеуказанного дуализма. Господство данного разделения на протяжении практически всего периода холодной войны определяло развитие международных отношений и геополитической теории. В целом такое членение можно охарактеризовать как «излишне детерминистское, функционально антиисторическое и антигеографическое» (Tuathail, 1998: 49).

Творец «цивилизационного поворота»: Самюэль Хантингтон. По сути, за пределами геополитики времен холодной войны оставались все «незначительные» события, обусловленные «культурными» критериями (например, уникальностью, сочетаемостью или конфликтнос-

тью), которые проявлялись как внутри, так и за пределами этого общего идеологического, политического и экономического деления. Таким образом, «цивилизационный поворот» стал своего рода ответом на «неадекватность» геополитических установок времен холодной войны. Отправной точкой «цивилизационного поворота» стало фокусирование на культурных составляющих, согласно которым геополитическое положение каждого государства определяется его принадлежностью к той или иной цивилизации. По мере изменения международного ландшафта — от биполярного к неравному многополярному — в центре внимания геополитических исследований оказались культурные различия, которые влияли как на внутреннюю, так и внешнюю политику государств. Подобная узость цивилизационного подхода и унаследованные им универсалистские и всеобъемлющие категории периода холодной войны использовались, чтобы усилить цивилизационный дискурс на локальном уровне без изменений систематического восприятия, сформировавшегося внутри нового цивилизационного дискурса. Таким образом, уже существовавшие систематизированные рамки исследования были дополнены новыми культурными различиями.

Одним из первых теоретических «усовершенствованных» геополитических дискурсов периода окончания холодной войны стала концепция, сконструированная на основе убеждения в успешности западной цивилизации. Фрэнсис Фукуяма водрузил Запад на культурно-привилегированный постисторический пьедестал, в то время как остальные культуры поставил бороться у его подножья, пытаясь приблизить свои культуры к вожделенной западной модели. Это цивилизационное разделение на «West and the Rest» («Запад и остальные». — *прим. переводчика*) послужило основанием для теории столкновения цивилизаций Самюэля Хантингтона.

Интерпретация Хантингтоном геополитического ландшафта и последующее упорядочивание цивилизационной парадигмы содержат в себе те же организационные и идеологические принципы, что и западная геополитика времен холодной войны. При этом (как и у Фукуямы) происходит смещение акцентов в сторону цивилизационных границ. Действительно новаторским и значимым в теории Хантингтона стали новые цивилизационные категории, пространственные образы геополитических ландшафтов и его нео-

консервативная риторика. Хантингтон в понятии «цивилизация» выводит на первый план культурные переменные, прежде всего религию и связанные с ней характеристики на фоне девальвации политико-экономических структур и конструкций. Модель Хантингтона реакционна и пессимистична сама по себе, а также выявляет новые опасности и угрозы в рамках постколониальной / модернистской риторики. Теоретик отмечает, что господство Запада, еще сохраняющееся в отношении других цивилизаций, все в большей степени уменьшается. Согласно Хантингтону, наибольшую угрозу для Запада представляют риски в контактных зонах с другими цивилизациями, в частности свойственная другим цивилизациям «инаковость», которая стоит на пороге европейской цивилизации. Таким образом, он стремится утвердить и укрепить единство Запада (Huntington, 1996: 311—312). Далее Хантингтон сводит глобальные и локальные трансформации, свойственные для изменяющейся геополитической системы, к логике, преобладавшей в западном геополитическом мышлении на протяжении периода после Второй мировой войны (Huntington, 1996: 29—39).

Восточный геополитический дискурс.

Во времена холодной войны Советский Союз был замкнут в геополитический дискурс, который, по сути, повторял реакционную и агрессивную природу своего западного (американского) двойника. Поскольку господствовавшие дискурсы (и западный, и советский) являлись по своей природе стратегическими и системообразующими, можно смело утверждать, что они имели в своем основании империалистические и экспансионистские мотивы. Основная схожесть заключалась в утверждении обоими дискурсами системного геополитического видения, в рамках которого любой образ описывался в категориях «свой», «враг» и «третий мир» (Tuathail, 1998: 50). При этом советские геополитические концепции были ограничены преимущественно локальной сферой влияния — Восточной Европой и самим СССР, а также смягчались за счет приоритета внутренней политики над внешней и особой политической культурой Коммунистической партии СССР (Tuathail, 1998: 51). В то же время на Западе и, главным образом, в США отмечались попытки критики собственного геополитического дискурса со стороны некоторых политических групп. Однако эффект от такой критики был не намного больше, чем отсутствие критики в СССР. Со-

ветская геополитика сосредотачивалась преимущественно на обеспечении интересов СССР непосредственно в сфере его влияния, т. е. в Восточной Европе, при этом ситуация осложнялась давлением рыночного капитализма. Капитализм казался неуязвимым снаружи и внутри с его негативным воздействием на советскую экономику и подрывом экономической стабильности. Во времена холодной войны политическая теория и практика, воплотившиеся в официальном политическом курсе (например, в доктрине Брежнева), усилили бинарную логику советских и западных геополитических концепций, любые вызовы которым устранялись идеологическими или военными средствами (Tuathail, 1998: 53).

Реконфигурация советского геополитического дискурса произошла во времена Михаила Горбачева. Основные изменения выразились в ограничении геополитических притязаний, а основной задачей геополитической теории стало оперативное реагирование на возникавшие проблемы. После коллапса СССР и возникновения нового мирового порядка появилась новая плеяда русских геополитических мыслителей, которые стремились обозначить место России и СНГ в новом геополитическом пространстве. Когда в этом новом геополитическом порядке доминировали США, возникла слабая мультиполярность, которая позволяла региональным геополитическим концепциям развиваться и обозначать политику как для находящихся на подъеме, так и для утрачивающих свое влияние государств. Очевидно, что развивавшийся в России новый геополитический дискурс в контексте изменившейся ситуации стремился максимально увеличить российское влияние на постсоветское пространство и территории, которые ранее входили в сферу национальных интересов. При деконструировании ситуации становится очевидным, что пространством, на котором сфокусированы российские теоретики, является Евразия.

«Цивилизационный переворот»: Александр Дугин. При рассмотрении процессов возникновения и конкуренции новых русских геополитических дискурсов в борьбе за определение того, какой должна быть российская внешнеполитическая доктрина, необходимо обратиться к одному из популярных российских теоретиков Александру Дугину. Характерно, что в его концепции есть много схожих моментов с изложенной выше теорией Хантингтона. Наиболее очевидным является стремление к стабилизации

геополитической системы Запада и России.

В работах Цыганкова утверждается, что современная российская геополитика и новое географическое деление — это не более чем продукт воображения (Tsygankov, 2003: 105). Этот продукт в виде теоретических конструкций, связанных с новой интерпретацией постсоветского пространства, как правило, определяет себя как современную версию «евразийства». Провозглашая российскую географическую и культурную уникальность, евразийство постулирует стабильность границ и различие между титульной нацией (русскими), проживающей в центре, и этнически разнообразной периферией. При этом на постсоветском пространстве Запад рассматривается как враг и конкурент России.

Цивилизационное течение в рамках российской геополитики основывается на консервативных предпосылках евразийской мысли (Tsygankov, 2003: 109). Оно провозглашает будущую борьбу России за пространство и прямое противостояние с культурой Запада и его глобальной экономической экспансией. В частности, сторонники «цивилизационного подхода» рассматривают российское геополитическое будущее как неизбежное противостояние с западной гегемонией, которая захватила доминирующие позиции в постсоветской системе. Эти ученые используют «культурологическую» установку для утверждения единства культурно схожих (по их мнению) стран, ранее существовавших в границах СССР, что должно способствовать созданию большой единой цивилизации с общими политическими культурными установками.

Популярность А. Дугина и геополитических концепций в России объясняется особенностями постсоветской ситуации, в частности резким уменьшением территории, которая считалась «истинно русской», что повлекло изменение российского представления о своей территории. Из открытого и большого пространства она превратилась в окруженную врагами зону, которая граничит с Северо-Атлантическим альянсом. Этот переход вызвал изменение геополитической доктрины, а также стал основанием для возникновения нового представления о пространстве российской культуры (Bassin, 2003: 17). Дугин, в свою очередь, использовал это для насаждения новых геополитических конструкций во внешней и внутренней политике, полгая, что это может привести к воссозданию Советского Союза.

В своих текстах Дугин довольно удачно ис-

пользует карты. Отсылки к картам дают читателям возможность более четкого понимания пространственных образов автора и освещают такое важное понятие, как пограничье. Отмеченная выше потеря больших территорий визуально продемонстрирована на карте «Геополитические результаты перестройки» (*Карта 1*) и может быть интерпретирована как иллюстрация утраты Россией своей власти и пространства, которое ранее составляло геополитическую основу ее господства и могущества.

В основании подхода Хантингтона и Дугина — исследование цивилизаций и процесса взаимодействия между ними. Далее обозначены контактные зоны между этими цивилизациями, в частности в Восточной Европе, и отдельно представлен случай Беларуси.

II. Беларусь как контактная зона

Существует несколько подходов к обозначению пространственных образов контактных зон: включенный, исключенный и разделенный.

Включенный: согласно включенному подходу каждая контактная зона относится к той или иной цивилизации, хотя при этом находится в непосредственной близости к соперничающей цивилизации.

Исключенный: исключенный подход выносит контактные зоны за пределы соседствующих цивилизаций и взаимодействие между ними происходит на паритетной основе.

Разделенный: разделенный подход к обозначению зоны взаимодействия между цивилизациями означает наложение и нечеткость границ.

Важно, что расположение Беларуси и на карте Дугина, и на карте Хантингтона представляет собой теоретическую конструкцию, согласно которой небольшие контактные зоны должны использоваться для реализации больших геополитических целей.

Располагаясь между расширяющимся Европейским Союзом, НАТО и Российской Федерацией, Беларусь являет собой характерный пример цивилизационной контактной зоны. В 1992 году Беларусь наряду с другими одиннадцатью бывшими республиками СССР вошла в состав СНГ. Существование этой страны и ее историческое развитие определялось географическим положением и сосуществованием с относительно небольшими народами и государствами меж-

ду Германией и Россией. В Беларуси очевиден дефицит естественных ресурсов, поэтому ее экономическое развитие определялось и сильно зависело от структуры советской экономики. В итоге в 1991 году Беларусь унаследовала советский стиль институциональной организации в сферах экономики, технологии и промышленности. Провозглашение независимости Беларуси практически не изменило характера отношений с Россией, который полностью вписывался в формат «центр — периферия».

После провозглашения независимости и начала строительства самостоятельного государства Беларусь столкнулась с системными кризисами, которые испытали на себе все страны Восточно-Европейского региона. В рамках этой постсоветской геополитической парадигмы Беларусь имела три возможные пути развития: выстраивать политико-экономические отношения с Россией и другими странами СНГ, переориентироваться на Запад или попытаться остаться на нейтральных позициях по отношению к своим соседям. Так, в Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 года провозглашался нейтралитет в отношении вопросов внешней политики. Однако Беларусь не смогла ограничить российское влияние на внутреннюю политику. Хотя многие западные аналитики предполагали, что благодаря высокому уровню экономической и структурной модернизации Беларусь может перейти к рыночной экономике и демократии быстрее, чем многие другие страны бывшего СССР, однако в итоге она явила собой один из худших случаев провала демократических преобразований (Keylog, 2001: 460—467).

Важно рассмотреть пространственные образы Беларуси, созданные Хантингтоном и Дугиным, и то, каким образом расположена эта страна на их картах. Анализируя интерпретацию и отношение геополитиков к этому географическому пространству, попытаемся обозначить возможные недостатки и достижения цивилизационного подхода при анализе места и роли Беларуси в регионе.

Цивилизационные карты Хантингтона. В вышедшей в 1996 году книге «Столкновение цивилизаций...» Хантингтон использовал серию карт для упрощения демонстрации преимуществ цивилизационного подхода. Представленные им карты призваны подтвердить мысль, что дальнейшее противостояние между цивилизациями будет происходить в так называемых конфликт-

ных зонах.

Хантингтон рассматривает несколько карт, на которых присутствует Беларусь:

1. The West and the Rest (Запад и остальные): 1920 год (*Карта 2*);
2. Мир времен холодной войны: 60-е годы XX века (*Карта 3*);
3. Христианский мир 1500 года (*Карта 4*);
4. Мир цивилизаций после 1990 года (*Карта 5*).

Первые две карты представляют Беларусь как не-западное, советское пространство. Интересные различия выявляются при сравнении третьей и четвертой карт. *Карта 3* была впервые использована Хантингтоном летом 1993 года в статье «Столкновение цивилизаций?» в журнале «Foreign Affairs». Теоретик также применил эту карту для демонстрации «горячих» конфликтных линий между «западным христианством», «ортодоксальным христианством» и «ортодоксальным исламом» во время этнического конфликта на Балканском полуострове.

Эта основополагающая статья Хантингтона, базирующаяся на цивилизационных / культурных геополитических аргументах, стала ключевой при рассмотрении и прогнозировании развития Балканского конфликта в новом ракурсе, принципиально отличном от идеологического или политико-экономического обоснования. На *Карте 3* четко видно, что Беларусь находится в контактной зоне между двумя религиозными цивилизациями. А через три года, в 1996 году, в развернутом тексте «Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка» Хантингтон представил новую карту «Мир цивилизаций после 1990 года» (*Карта 5*). Согласно ей Беларусь относится уже к «православной» цивилизации, т. е. находится во включенной контактной зоне. При внимательном изучении карты нельзя не заметить, что линию цивилизационного разрыва Хантингтон переместил ближе к Западу, отрицая ранее указываемые границы Беларуси по оси меридиан. Однако сопоставление обеих карт не дает ответа на вопрос, почему месторасположение цивилизационной линии изменилось всего за три года. В любом случае, независимо от «включенности» или «исключенности» этой линии, общий подход должен быть сведен к той или другой категории. Наиболее приемлемым объяснением в данном случае представляется то, что эти линии взаимодополняемы и демонстрируют неясность в проекте определения контактных

зон. Внимательное прочтение Хантингтона позволяет разобраться с этим противоречием.

Хотя непосредственных объяснений причин «скачков» цивилизационной линии у Хантингтона нет, можно предположить, что взгляды его постепенно менялись в результате «подгонки» цивилизационных линий. Первая карта группирует цивилизации исключительно по их религиозной идентичности и истории. Если учитывать историческую перспективу, цивилизационная линия Хантингтона здесь отражает религиозный водораздел западного и православного христианства. И такое различие действительно характерно для современной Беларуси, где можно выделить западную — католическую — и восточную — православную — части.

По мере развития цивилизационного подхода линии Хантингтона становятся более «закругленными», отражая «культурное единство» (Huntington, 1996: 23). Таким образом ученый утверждает, что «цивилизация является наивысшим культурным объединением и представляет собой наиболее высокий уровень культурного развития, который отличает человечество от других млекопитающих. Кроме того, она определяется такими общими объективными характеристиками, как язык, история, религия, обычаи и прочие институты, а также субъективными характеристиками — самоидентификацией людей» (Huntington, 1996: 24). Столь широкое определение посредством демонстрации контактных зон позволяет показывать изменчивую динамику противостояния цивилизаций. Так, отмеченная разница в определениях (между включенными и исключенными контактными зонами) отражает и естественное явление, процесс возникновения и развития цивилизационной идентичности Беларуси.

Хотя Хантингтон и говорит о взаимодействии между людьми разных цивилизаций, однако это взаимодействие трактуется как процесс создания цивилизационного сознания. Поскольку возникновение общественного сознания может определять и отражать внутреннюю и внешнюю политику государства, историческое самосознание и глобальные тренды, то процесс его возникновения и развития в контактных зонах затруднен для анализа по причине различного рода внешнего давления. По сути, Хантингтон не дает адекватного объяснения этому явлению, хотя его анализ объясняет разницу факторов в процессе формирования и развития цивилизации (Hun-

tington, 1996: 137—138).

Нечеткость определения места Беларуси на цивилизационной карте можно проследить на примере построения пространственных образов Хантингтона в отношении российской цивилизации. Россия у него представляется как разобщенное государство, прошедшее четыре фазы развития, где части западной культуры вливались в русскую культурную идентичность. Предлагаемая Хантингтоном линия разделения цивилизаций, в свете этого западного культурного «вливания», отражает и прошлый исторический опыт России, и внутренние противоречия, которые влияют на население контактной зоны, т. е. Беларуси. Такое геополитическое видение и размещение Беларуси отражает глубоко укорененные структурные факторы, которые Хантингтон приписывает этой специфической территории (Huntington, 1996: 139—144).

После окончания холодной войны Хантингтон поднял вопрос о том, где проходят восточные рубежи Европы. Хантингтон использует «великую историческую линию, которая существовала на протяжении веков, отделяя западноевропейские христианские народы от мусульман и православных» (Huntington, 1996: 158) для конструирования религиозного разделения. Хантингтон полагает, что это деление должно отражать существующее пространственное деление Европы, поскольку «это культурная граница Европы, и в ситуации окончания холодной войны это также политическая и экономическая граница Европы и Запада» (Huntington, 1996: 158). Цивилизационная парадигма видится Хантингтоном как прямой и исчерпывающий ответ для решения проблемы, наступившего после окончания холодной войны беспорядка и географических трудностей, с которыми столкнулась Западная Европа. Он говорит о том, что «термин “Восточная Европа” должен быть пересмотрен и применяется для тех регионов, которые развивались в условиях доминирования Православной церкви... для “европейских” регионов Советского Союза» (Huntington, 1996: 160). По мнению Хантингтона, эта «парадигма» признается западной цивилизацией, но в восточно-европейских православных странах такая цивилизационная линия воспринимается как амбивалентная. Утверждение о реальности «древней культурной линии раздела между Востоком и Западом», которое использовалось для вытеснения культурных и пространственных послед-

ствий «железного занавеса», стало основанием для отнесения Беларуси к категории «разделенных» контактных зон.

Цивилизационные карты Дугина. Александр Дугин также использует серию карт для обозначения цивилизаций и создания парадигмы евразийской теории. В статье рассматриваются четыре карты:

1. Карта однополярного мира (*Карта 6*);
2. Карта российско-евразийской реакции против глобализации. «Контрстратегия» (*Карта 7*);
3. Карта многополярного мира. «Четыре зоны — четыре полюса» (*Карта 8*);
4. Карта многополярного мира. «Четыре зоны — большие пространства» (*Карта 9*).

Дугин определяет место Беларуси в соответствии с изменяющимся курсом своей евразийской парадигмы, разворачивающейся во времени и в пространстве. На *Карте 1* Дугин располагает Беларусь на полупериферии Трансатлантического уровня, ассоциирующегося с Западной Европой. На *Карте 2* вследствие начала многополярной реакции Россия начинает увеличивать свое влияние на цивилизационные линии. На *Карте 3* Беларусь по оси меридиан имеет почти такое же расположение, как у Хантингтона. На *Карте 4* Дугин продолжает такое деление, и Беларусь оказывается разделенной между большими пространствами — Европейским и Российско-Евразийским. Таким образом, Беларусь снова рассматривается как «разделенная» контактная зона.

Следуя за преобладающим настроением российского общественного мнения о готовности русской цивилизации к дальнейшей экспансии, Дугин переформулировал понятие «Евразия», используя визуальные конструкции. Изначально понятие «евразийство» появилось в среде русских эмигрантов в 20-х годах XX века с целью противостоять постреволюционным движениям за независимость, стремящимся разрушить некогда великое имперское пространство России. Таким образом, «нововведения» Дугина представляют собой не более чем тактические изменения в угоду исторической конъюнктуре. Обозначая Беларусь как разделенную контактную зону, Дугин усиливает происходящую фрагментацию постсоветского пространства. В то время как советская доктрина была сосредоточена на специфических целях и задачах в рамках политики большевиков, евразийская концепция Ду-

гина предназначена больше для создания широких возможностей ответа Атлантическому альянсу и служит созданию мощного образа России и ее будущих возможностей, а не продвижению некой конкретной политической платформы. Визуальный механизм используется для идеи воссоздания пространства Советского Союза, а если присмотреться внимательнее, поддерживает и дает обоснования для империалистических / экспансионистских намерений.

Дугина можно отнести к русскому экспансионистскому течению в геополитике, а это означает, что в основании утверждений Дугина, которые вряд ли можно назвать стабильными, лежит вера в существование уникальной культурной и цивилизационной сферы, которую создала Россия. Это предполагает, что экспансия может идти «естественным путем», т. е. без применения насилия. В то время как сторонники цивилизационного подхода ограничивали сферу влияния России территорией бывшего Советского Союза, Дугин утверждает российское влияние за его пределами, подразумевая значительную часть Европы, Азии и Ближнего Востока. Естественно, что такой геополитический дискурс, включающий разные цивилизации, может с высокой степенью вероятности способствовать появлению конфликтов, а не сотрудничества. Он чем-то напоминает геополитические воззрения Хантингтона, а также показывает, что разделенная контактная зона вроде Беларуси создает возможности для расширения российских геополитических интересов. Одновременно у Дугина наблюдается несогласие с «цивилизационистами» типа Зюганова и Нартова, которые определяют цивилизацию в категориях эссенциализма как «географически, экономически и культурно стабильную территорию» (Tsygankov, 2003: 123).

Кроме того, Дугин является приверженцем идеи геополитической экспансии из центра России. Идея восстановления сильной России в меняющемся мире совпадает с идеей Хантингтона о многополярной цивилизационной борьбе (Huntington, 1996: 124). В отличие от последнего Дугин твердит о возвращении биполярной системы, которая неминуемо приведет к борьбе между «сухопутными» евразийцами и «морскими» атлантистами. Такое возвращение к биполярности хоть и основывается на откручивании ситуации назад, возвращении к статус-кво времен холодной войны, все же в конечном итоге обещает большие территориальные приобрете-

ния для Евразии. Беларусь же, находящаяся между двумя конфликтными цивилизациями, является доказательством реальности противостояния.

Кроме геополитического дискурса понимание Дугиным окружающего мира основывается на факте существования «этнических русских и православной традиции, которые должны стать основой многонациональной и многоконфессиональной империей» (Tsygankov, 2003: 124). В рамках своей концепции Дугин говорит о формировании трех цивилизаций: пан-европейской, пан-азиатской и пан-арабской, которые, пересекаясь и сотрудничая, будут существовать как самодостаточные геополитические империи. Эти империи будут способны бросить вызов западной гегемонии. Хотя Беларусь на карте Дугина является особой контактной зоной, более широкое применение его воззрений предполагает, что такие зоны должны быть включены в состав «российской» цивилизации.

III. Выводы

Анализ цивилизационных карт Дугина и Хантингтона дают основания утверждать, что оба автора в своих пространственных конструкциях относят Беларусь к разделенной контактной зоне. Возвращаясь к ранее приведенному теоретическому обоснованию гипотез о контактных зонах (включенная, исключенная и разделенная), можно легко проследить ряд общих тенденций и логику, которая используется для пространственного расположения этого государства. В то время как отнесение страны к той или иной цивилизационной зоне воспринимается достаточно серьезно, особенно когда это делают такие влиятельные фигуры, как Хантингтон и Дугин, то приписывание страны к некой контактной зоне воспринимается как нечто менее важное.

«Включенный» тип контактных зон предполагает экспансионистскую перспективу. Хотя и Хантингтон, и Дугин выдвигают в своих работах экспансионистские идеи, но не претендуют на универсальное расширение территории. Ни у одного из них нет типичного для времен холодной войны экспансионистского игнорирования цивилизационных границ.

«Исключенный» тип предполагает изоляционистскую перспективу. Следуя такой логике, Хантингтон и Дугин оставляют буферную зону между различными геополитическими массива-

ми, показывая тем самым уважение к политическим границам. Это типично для поведения времен ранней холодной войны и для использования буферных зон в целях сдерживания.

«Разделенный» тип предполагает цивилизационную перспективу. Это создает нестабильную ситуацию между экспансионизмом и изоляционизмом. И это является характерной ситуацией для мира после окончания холодной войны и утверждения «цивилизационного поворота». Вследствие игнорирования политических границ такая позиция усложняет геополитическое пространство и демонстрирует возникновение новой ментальности, что отражается в распространении цивилизационной риторики в академической, политической и популярной культуре.

Продемонстрированная Хантингтоном и Дугиным противоречивость в отнесении Беларуси к контактной зоне показывает, что именно свойства разделенной контактной зоны больше всего подходят для определения геологической позиции Беларуси. Кроме того, отнесение Беларуси к разделенной контактной зоне придает большим цивилизационным геополитическим теориям большую легитимность. Также подобная двойственная и неоднозначная риторика противоречит осторожному подходу в определении места Беларуси и отражает концентрацию внимания в геополитических концепциях на ключевых цивилизациях, а не на анализе пограничных контактных зон вроде Беларуси. Следствием попытки определить место, цивилизационную идентичность и геополитическое значение Беларуси в этой меняющейся конструкции, наряду с неуважением к ее суверенным границам и суверенитету, явля-

ется фактическое цивилизационное и геополитическое исчезновение этой страны.

IV. Заключение

Анализ карт Хантингтона и Дугина показывает, что их представления о цивилизационных контактных зонах основываются на геополитических воззрениях, типичных для «цивилизационного поворота» периода после холодной войны. Изучение же Беларуси как страны, расположенной в разделенной контактной зоне, частично отрицает тот факт, что каждая цивилизация создает зону конфликта, а не зону сотрудничества. Политический суверенитет разрушается, создавая пространство для нового типа цивилизационного суверенитета, игнорирующего политические границы и создающего новые границы и контактные зоны на границах различных цивилизаций.

Недавние политические события в Беларуси, особенно президентские выборы 2006 года, результаты которых не признали на Западе, но признали в России, показывают, что воззрения Хантингтона и Дугина в какой-то мере отражают разногласия и внутренний раскол внутри этой страны, в контексте которого население Беларуси осознает влияние внешних сил (властей других государств) на их национальную идентичность. Создает ли это разделение возможность для полного включения Беларуси в одну из цивилизаций? Или оно еще больше размывает основания, которые могли бы быть использованы для построения альтернативной национальной идентичности? Эти вопросы требуют отдельного ответа.

Литература

1. Bassin, Marc. *Mysl' Prostranstvom: Eurasia and Ethno-Territoriality in Post-Soviet Maps* // *Zeit-Raume: Wiener Slawistischer Almanach* 49, 2003.
2. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Orders*. — New York: Touchstone, 1996.
3. Keylor, William R. *The Twentieth-Century World: An International History*. — New York: Oxford University Press, 2001.
4. Tsygankov A. *Mastering space in Eurasia: Russia's geopolitical thinking after the Soviet break-up* // *Communist and Post-Communist Studies*, 36, 2003.
5. Tuathail, Gearoid O. *The Geopolitical Reader. Part 2: Cold War Geopolitics*. — London and New York: Routledge, 1998.